

УДК: 930.1

Уроки истории: новый гуманизм как основание гражданского единства

Андрей Владимирович Поповкин,

кандидат философских наук, руководитель научно-образовательного центра Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Решение задачи формирования гражданского единства невозможно без достижения общественного консенсуса в важнейших мировоззренческих вопросах. Основанием для этого может стать выявление смыслового единства российской истории, что связано с историчностью самой личности, её укоренённостью в истории своей семьи, своего народа. В то же время другое неотъемлемое свойство человека — духовная свобода — говорит о несводимости личности, её поступков ни к какой совокупности внешних факторов. Данное противоречие разрешается в философии соборности С.Н. Трубецкого. Соборность человека означает, что он всегда связан с миром и другими людьми — от органической внутриутробной связи младенца с матерью до языка, который усваивается только в общении, но в то же время определяет и внутреннее содержание индивидуального сознания. Однако, пользуясь общим языком и общими понятиями, человек выражает именно свои мысли, принимает свои решения, реализуя тем самым свою духовную свободу. Язык, понятия, ценности усваиваются из родной культуры.

Новый гуманизм, основанный на соборном понимании человека, ясно устанавливает меру универсального, общечеловеческого и индивидуально-личностного, показывает, как личностное начало укоренено в соборности родовой исторической памяти и произрастает из неё. При этом каждая культура характеризуется не собственными ценностями (набор которых у всех народов более-менее одинаков), но их иерархией. Задача выявления последней нетривиальна. Однако без этого невозможно осмысление исторической ситуации, т.е. собственное дело интеллигенции, исполнения которого вправе ожидать от неё власть и общество. Поэтому важнейшая роль в установлении общегражданского единства в современной России заслуженно принадлежит историческому образованию. Его воспитательная функция состоит в выявлении на основании исторического опыта иерархии ценностей, разделяемой народами РФ, и прививании подрастающему поколению ясного и ответственного отношения к ней.

Ключевые слова: гражданское единство, гуманизм, соборность, ценности, история, историческое образование.

The lessons of history: new humanism as foundation of civil unity.

Andrey Popovkin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: andrey.popovkin@gmail.com.

A solution of the problem of civil unity is impossible without reaching a civil consensus in the most significant worldview questions. The revelation of meaningful unity of Russian history could be its reason because it is connected with the historicity of a personality, its historical rootedness with the family, the nation. At the same time, inalienable human feature — spiritual freedom — points to individual's irreducibility, its actions without any combination of exterior factors. This contradiction is solved in the philosophy of collegiality by S.N. Trubetsky. Individual's collegiality means that a man is always connected to the world and other people — from organic prenatal connection of the baby with the mother till the language which is only learnt during the communication but at the same time defines inescapable individual consciousness. However, a person expresses his thoughts, makes decisions with the use of the common language and common notions and realizes his spiritual freedom. Language, notions, values are adopted from own culture.

New humanism being based on conciliar understanding of a man establishes the measure of universal, human and individual; it shows how personal origin is implanted in collegiality of generic historical memory. Each culture is characterized not only by its own values (the set of values of all people is more or less the same) but also by hierarchy. The challenge of its exposure is uncommon. However, the understanding of the historical situation, it means own business of intelligentsia, which implementation is expected by authority and people, is impossible without that. That's why, the most important contribution in the establishment of general civil unity in modern Russia belongs rightfully to the historical education. Its educational function consists in revelation of values hierarchy on the basis of historical experience which is shared by Russian people and transmission of the correct and responsible attitude to the young generation.

Keywords: civil unity, humanism, collegiality, values, history, historical education.

Пожалуй, история, одна из древнейших гуманитарных наук, является среди них самой влиятельной. Ещё Цицерон говорил: «Не знать истории — значит всегда быть ребёнком». Порой в своём воздействии на умы она соперничала с философией, но последняя чаще становилась достоянием узкого круга интеллектуалов. История же изначально интересовала всех. Человек историчен по самой своей природе, ведь память — хранилище личной истории — относится к важнейшим факторам, определяющим уникальность и своеобразие личности, которую русский философ С.Л. Франк называет «временяобъемлющим единством» [5, с. 175], подчёркивая её нерасторжимую связь со своей историей.

Но личность человека не возникает и не может существовать изолированно, без других людей — семьи, этноса, нации. Вопрос о том, какую

роль при этом играет социум, волновал умы, наверное, со времён возникновения философии. Практически все мыслители признавали наличие и важность связи человека и общества. Однако ряд вопросов вызывал существенные разногласия. Например, является ли эта связь определяющей для личности? Или только для общества? Или имеет место их взаимоопределение? Кроме того, если мы признаём влияние общества на личность, важно понять, какая именно часть социума его оказывает и как долго оно сохраняется?

И, как это часто бывает в философии, ответов существенно больше, чем вопросов. Скажем, для Аристотеля главная черта человека — устремлённость к общественной деятельности, что выразилось в известном определении — ζῷον πολιτικόν («политическое животное»). С другой стороны, очевидно, что, например, у младенца личность формируется в тесном общении с матерью и под её влиянием. Такое воздействие другого на наше «я» получило яркое выражение в философии М. Бубера, утверждавшего: «я» самого по себе нет, это лишь один из двух полюсов реально существующего «я — ты» отношения [1]. О том, что не бывает «я» без «ты», говорил и С.Л. Франк. Однако не все философы готовы согласиться с такой тотальной укоренённостью личности в других людях. Со времён кантовского определения свободы как способности полагать себе нравственный закон присутствует идея *несводимости человека, его личности, его поступков ни к какой совокупности внешних факторов*, включая личности других людей и историю. Возможно, яснее всего эти идеи в русской культуре сформулировал И.А. Ильин в концепции духовной автономии. Действительно, никто не в силах заставить человека (кроме него самого) кого-то полюбить или внутренне согласиться с несправедливостью. На Западе такие идеи получили наибольшее развитие и распространение в рамках философско-политического направления либерализма. Личная автономия (т.е. возможность решать собственную судьбу, исходя исключительно из своих интересов) и свобода самовыражения — основные ценности либеральной философии. Общество же рассматривается как условие осуществления личной свободы индивида. В некотором смысле оппонентом такой трактовки выступил марксизм, понимая личность как «совокупность общественных отношений», и в этом случае уже отдельные люди, под действием законов исторического и диалектического материализма, выступали средой реализации общественных (классовых) интересов и ценностей.

Таким образом, несмотря на очевидность связи личности и истории, анализ этой проблемы оказался делом весьма непростым. И одним из главных препятствий стал вопрос о взаимодействии личности и общества. Решимся утверждать, что наиболее полно и логически непротиворечиво он рассмотрен в философии С.Н. Трубецкого, пришедшего к следующему выводу: человек, его духовный мир, его природа

принципиально *соборны*. Вокруг понятия соборности существует довольно много ненужных спекуляций и более или менее возвышенных мечтаний. Однако С.Н. Трубецкой не вкладывает в него никакой мистической подоплёки. Соборность человека означает, с одной стороны, что он никогда и ни в какой форме не является атомарным индивидом, «монадой, не имеющей окон», всегда связан с миром и другими людьми (начиная с физической связи с матерью в утробе и заканчивая связью с обществом, например, в виде общего с другими людьми языка, общих понятий и т.п.). А с другой стороны, подчёркиваются неустрашимость субъектности человека, его авторства собственных мыслей, поступков и решений, несводимость индивида к совокупности общественных отношений или иных факторов. Соборность человеческого сознания, по С.Н. Трубецкому, означает, что, пользуясь общим языком и общими понятиями, человек, тем не менее, выражает именно свои мысли, принимает свои решения.

Некоторым современным философским аналогом соборности выступает *интерсубъективность* (т.е. существование «между» субъектами). Например, язык, формирующий специфически человеческий тип психики, относится именно к сфере интерсубъективного: он не объективен (не существует вне конкретных людей), но и не субъективен (не принадлежит только одному субъекту). Между тем большая часть индивидуального сознания облечена именно в эти интерсубъективные формы (слова, предложения и т.п.). Но соборность человеческого сознания выражается не только в языковом содержании. Более явно она проявляется в понимании истины, нравственных норм или, шире, всякой нормативности. «Фактически я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть таковым для всех» [4, с. 495], — пишет С.Н. Трубецкой.

Отметим ещё раз — речь идёт не о некоей абстрактной идее соборности или некотором труднодостижимом идеале. У С.Н. Трубецкого это данность, неотъемлемое свойство человеческой природы, которое, конечно, может быть более или менее развито, осознанно. Одной из форм, в которых реализуется соборность сознания, является родовая историческая память. Иными словами, «времяобъемлющее единство» человеческой личности *заключает в себе не только историю индивида, но также историю его семьи и его народа*. Именно история (в первую очередь, семьи, а затем и народа) есть первое зримое и осязаемое столкновение индивида с чем-то сверхиндивидуальным, в которое включён и он сам, но при этом не растворён.

Признавая действие объективных исторических сил, обстоятельств и закономерностей, С.Н. Трубецкой тем не менее утверждает: «В известном смысле всё совершается в истории личностью и через личность:

только в ней воплощается идея» [4, с. 558]. Однако *действие истории через личность* может быть двояким. Либо это сознательный поступок, исходя из ясного ощущения исторического момента, — и именно такая личность называется у С.Н. Трубецкого *исторической*: «историческая личность есть продукт своего общества; она образуется им, проникается его общими интересами. Она представляет его органически, воплощает, сосредоточивает в себе известные его стремления, а постольку может и сознать их лучше, чем другие, и найти путь к разрешению назревших исторических задач» [4, с. 559]. Либо это действие помимо сознательной воли личности, являющейся нерелевантной своему положению в обществе или историческому моменту: «Ибо когда известные исторические задачи назрели, когда общественные потребности, частью сознаваемые, частью ещё не сознанные отдельными умами, достигают известной интенсивности, когда общественная воля с прогрессивно возрастающей силой тяготеет в определённом направлении, — она, естественно, ищет наиболее приспособленный орган как для своего выражения, так и для своего осуществления. И она, естественно, стремится к органическому средоточию общества, к представителям его власти, дабы внушить им известную задачу, если не определённое решение» [4, с. 559].

Здесь нам видится новое понимание значения исторического образования, особенно в высшей школе, призванной готовить не просто специалистов, обладающих неким пресловутым «набором компетенций», но *интеллигенцию*, т.е. *людей, способных лучше других увидеть, осознать и найти путь к разрешению назревших исторических задач*. К жизненно важным задачам для российского общества, безусловно, относятся гармонизация межнациональных отношений и формирование гражданского единства. Нетрудно видеть, что обе они теснейшим образом связаны с вопросом легитимности власти, соборная природа которой очевидна, если учесть, что легитимность по своей сути — нормативность, принятая обществом. Согласно идеям русского философа С.Н. Трубецкого, последняя, выступающая основанием власти, необходимо должна быть укоренена в истории народа и его текущей социальной жизни. Только в этом случае власть станет жизнеспособна и получит соборное основание. Иными словами, если нормы, на которые опирается власть в принятии и реализации решений, соответствуют или хотя бы близки базовым нормам граждан страны и народов, её населяющих, то люди будут чувствовать дело власти делом всего государства — своим делом, а следовательно, это приведёт к достижению искомым гармонии и единства.

В этом смысле задача исторической науки и исторического образования есть, в первую очередь, более-менее ясное формулирование соборной исторической памяти народа, обнаружение в ней главного, наиболее значимого. Попытка выявить национальные ценности России

предпринималась неоднократно, но пока безуспешно из-за их обманчивой очевидности. Кажущаяся простота задачи породила огромное множество доморощенных кодексов, в большинстве из которых определяющими для русской культуры называются ценности личности и коллективизма (общинности). Однако, не говоря уже о сложности их совмещения (о чём сказано выше), достаточно посмотреть сюжетные линии русской классической литературы, чтобы понять: личность — это скорее болевая точка нашей культуры. Вызывает сомнения и то, что русский коллективизм как ценность пережил «перегибы» советского периода. Таким образом, совершенно ясно, что в данном случае требуется кропотливая работа исследователей: историков, социологов и философов.

Хотелось бы отметить ещё один момент: как показал основатель философской антропологии в XX в. М. Шелер, у человека ценности никогда не образуют некое однородное множество, но всегда выстраиваются в некоторую иерархию — *ordo amoris* («порядок любви») [6]. Эта иерархичность характерна для ценностей не только отдельного человека, но и для тех, которые народ хранит и передаёт в своей исторической памяти. Более того, осмелимся выдвинуть гипотезу, что *народы различаются не столько своими базовыми ценностями, сколько их порядком, иерархией*. Базовые ценности примерно одинаковы у всех духовно здоровых народов: храбрость, семья, дружба и т.д. Различия скорее в приоритете одних ценностей перед другими. Например, в современной русской (особенно молодёжной) культуре семья и дружба стоят очень близко, и выбор, если человеку приходится его совершать, всегда мучителен. А вот у большинства мусульманских или восточноазиатских народов, находящихся в ценностном поле ислама или конфуцианства, соответственно, выбор в пользу семьи не вызовет моральных затруднений.

Таким образом, задача исторического образования, его воспитательная функция состоят в выявлении на основании исторического опыта и привитии подрастающему поколению ясного и ответственного отношения к иерархии ценностей, *ordo amoris*, своей страны и своего народа. Иными словами, речь идёт о передаче духовной традиции, основанной и укоренённой в родовой исторической памяти.

И здесь камнем преткновения становится проблема единства понимания истории. Особенно ярко это прослеживается в спорах вокруг создания единого учебника. Представляется неслучайной связь кризиса в понимании истории с кризисом института образования вообще — в обоих случаях ключевым является вопрос о человеке. Ведь образование, как бы ни теоретизировали на эту тему разные реформаторы, по своей сути есть придание образа, оно вольно или невольно, прямо или косвенно неизбежно формирует личность учащегося, его духовный мир, его *ordo amoris*. И вот в вопросах, какой порядок ценностей является верным, какой соответствует национальному духу России, её

жизненным интересам и задачам, мы видим явное отсутствие консенсуса как в самом обществе, так и между ним и властью в лице Министерства образования.

Поэтому ближайшая потребность — поиск некоего знаменателя, приемлемого для всех заинтересованных сторон. Вероятно, им является утверждение, что речь всегда идёт о человеке: здесь сходятся и христианская (реализация образа Божия) и неолиберальная (форма производства «человеческого капитала») трактовки образования, логос которого, иными словами, *суть гуманизм*. И в определённом смысле кризис образования — это отражение современной борьбы гуманистических парадигм (прежде всего, консервативно-патриотической и неолиберальной).

На сегодняшний день достаточно хорошо видно, что для большей части граждан России, для многих представителей академического сообщества ценности неолиберализма, который рассматривает социум как поле для самовыражения субъекта, чужды либо вовсе враждебны. Более того, ясно просматривается диссонанс между внешней политикой РФ, ориентированной на консервативные ценности, и внутренней, особенно в социальной сфере, науке и образовании, жёсткими административными мерами насаждающей неолиберальную модель общественных отношений. Однако нельзя не отметить отсутствие консолидированной (в мировоззренческом плане) оппозиции неолибералам. Правительство России вполне может ответить критикам его внутренней политики: «Если не неолиберализм, то что?».

Таким образом, в контексте разговора об образовании встаёт проблема поиска общего основания позитивной альтернативы современной политике неолиберальных реформаторов. Что, по-видимому, проистекает из одной из ключевых дилемм гуманизма, которая состоит в следующем: *о каком человеке идёт речь?* И здесь возможны два принципиально разных ответа. О них замечательно сказал известный французский учёный и философ Б. Паскаль: «Человеческую натуру можно рассматривать двояко: исходя из конечной цели существования человека, и тогда он возвышен и ни с кем не сравним, или исходя из обычных присущих ему свойств, как мы судим о лошади или собаке по обычным присущим им свойствам — резвости бега et *animus arcendi* [способности отпугивать — *А.П.*], — и тогда человек низок и отвратителен» [3, с. 91]. В этом смысле для проекта, реализуемого неолибералами, характерен второй взгляд: в качестве реального рассматривается индивид в его случайной фактичности, а следовательно, *не ставится вопрос о главном в человеке*. В итоге это главное упускается и не получает должного развития в процессе образования и воспитания. Однако и первый тип гуманизма, когда, по словам исследователя античной системы воспитания В. Йегера, «выше человека — стадного животного и человека — мнимо автономного Я, стоит человек как Идея...» [2, с. 24], содержит большой

риск подмены живого и настоящего некоей абстрактной идеализацией. Недавний исторический пример — попытки советской школы воспитать будущих членов коммунистического общества. Суть проблемы состоит в том, что, если у каждого есть своя индивидуальная природа (например, в форме замысла Бога о нём), то, делая акцент только на общечеловеческом, мы опять же упускаем главное. Таким образом, оба указанных типа гуманизма (неолиберальный и консервативный), равно как и обе построенные на них системы воспитания, имеют один недостаток: они не видят реального человека, только делают это каждый по-своему.

В концепции соборного сознания нам предстаёт такое понимание человека, которое ясно устанавливает меру универсального, общечеловеческого и индивидуально-личностного, показывает, как личностное начало укоренено и произрастает из соборности родовой исторической памяти. Здесь лежит ключ к решению стратегических задач исторического образования, к выстраиванию его не просто как набора сведений, но как имеющего некий внутренний логос, выявляющий для учащегося дух и предназначение России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М.: АСТ, 1999. 592 с.
2. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека / пер. с нем. А.И. Любжина. Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. 608 с.
3. Паскаль Б. Мысли. СПб.: Азбука-классика, 2004. 336 с.
4. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Сочинения. М.: Мысль, 1994. 816 с.
5. Франк С.Л. Реальность и человек // С нами Бог. М.: АСТ, 2003. 750 с.
6. Шелер М. *Ordo Amoris* // MAX-SCHELER.SPB.RU: «Макс Шелер и Россия»: информационная система. URL: <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/15/37/> (дата обращения: 30.10.2015).

REFERENCES

1. Buber M. Ja i Ty [Me and You]. *Dva obraza very* [Two images of faith]. Moscow, AST Publ., 1999, 592 p. (In Russ.)
2. Jeger V. Pajdejja. *Vospitanie antichnogo greka* [Paideia. Education of the ancient Greek]. Vol. 1. Moscow, Greko-latinskij cabinet Ju.A. Shichalina Publ., 2001, 608 p. (In Russ.)
3. Paskal' B. *Mysli* [Thoughts]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004, 336 p. (In Russ.)
4. Trubeckoj S.N. O prirode chelovecheskogo soznanija [Nature of human consciousness]. *Sochinenija* [Essays]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, 816 p. (In Russ.)
5. Frank S.L. Real'nost' i chelovek [Reality and a man]. *S nami Bog* [God is with us]. Moscow, AST Publ., 2003, 750 p. (In Russ.)
6. Sheler M. *Ordo Amoris*. Available at: <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/15/37/> (accessed 30.10.2015). (In Russ.)